

Темненко К.В.

ОБРАЗ КРЫМА В ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА.

Стихотворение О. Мандельштама “Золотистого меда струя...” написано в Крыму и о Крыме.

Золотистого меда струя из бутылки текла

Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:

- Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,

Мы совсем не скучаем, - и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни

Сторожа и собаки, - идешь, никого не заметишь.

Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.

Далеко в шалаше голоса - не поймешь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный запущенный сад.

Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.

Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,

Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,

Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;

В каменистой Тавриде наука Эллады - и вот

Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,

Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.

Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, -

Не Елена - другая, - как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?

Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,

И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,

Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

Стихотворение написано осенью 1917 года, видимо, еще до революции, и посвящено чете Судейкиных. Оно обладает внешним сюжетом. Формально - это описание встречи со старыми знакомыми. Предметом, скрепляющим беседу, становится та земля, на которой эта встреча произошла. А внутреннее движение сюжета связано с осмыслением того, что же эта земля собой представляет. Только осмысление идет не логическим, а поэтическим путем.

Из текста ясно, что собеседники приехали из шумного, большого города; Крым для них еще не утратил своей новизны. Их принадлежность к одному интеллектуальному кругу намечена в первой строфе употреблением выражения “в печальной Тавриде”. Именно это выражение предопределяет дальнейшее движение сюжета: от перечисления обстоятельств встречи (внешних примет гостеприимства хозяев и совместной прогулки) - к ряду ассоциаций, преобразующих подчеркнута прозаическую ситуацию в чисто поэтическое ощущение единства всемирной истории и мирового пространства.

Такой стремительный переход таил в себе опасность стилистической какофонии и поэтому потребовал особых художественных приемов.

Уже в первой строфе пятистопный анапест задает определенное настроение торжественности, которое получает подкрепление на лексическом уровне. Архаически возвышенное словоупотребление “Таврида” вместо “Крым”, старинное “молвить” соседствуют со словами, которые, являясь стилистически нейтральными, сохраняют связь и с поэтически возвышенной лексикой. В этом смысле особенное богатство ассоциаций вызывает слово “мед”, кроме предметного значения содержащее и символическое обозначение жизненных радостей (“вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю”). Смысловый ореол вокруг этого слова так мощен, что соседствующее с ним единственное “невозвышенное” слово (“бутылка”, а не “сосуд”) - не снижает, а лишь уточняет ситуацию. Оно является знаком современности, хотя и несколько смущает внимательный взгляд: реальный мед в бутылках не хранится. Таким образом, «меда струя из бутылки» становится метафорой вина - еще одного символа веселья. Выражение «судьба занесла» является разговорным, но не принадлежит к низкому стилю. Итак, уже в первой строфе Крым - и прозаическая печальная местность, и древняя земля, настраивающая на торжественное мировосприятие. Точность дозирования высокой, нейтральной и современной разговорной лексики сохраняется и в дальнейшем тексте, хотя их соотношение несколько меняется.

Это явление становится особенно заметным при последовательном рассмотрении стилистической окраски сравнений, присутствующих во 2 - 5 строфах.

“Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни”. В контексте второй строфы, где упоминаются “Бахуса службы”, “сторожа и собаки”, это сравнение выглядит обыденным, даже заземленным. Однако фраза “спокойные катятся дни” переводит сообщение в бытийный план, что влияет и на восприятие окончания строфы.

В третьей строфе сравнение “Как ресницы, на окнах опущены темные шторы” выглядит стилистически нейтральным. Однако уподобление прозаических штор поэтическим ресницам человеческих глаз одушевляет образ дома и делает его бытие более самостоятельным и значительным. Искушенный читатель может при этом более отчетливо соотнести предшествующие строки с пушкинскими: «Огромный запущенный сад / Приют задумчивых дриад».

Это подготавливает нас к еще более возвышенному поэтическому сравнению четвертой строфы: “Виноград, как старинная битва, живет”. Неизбежные для осеннего пейзажа мотивы умирания (кудрявыми у винограда выглядят увядающие листья, а созревшим гроздьям предстоит смерть в давящей винодела) превращаются в образ битвы. «Старинная битва» может оказаться длящейся, живущей только тогда, когда она запечатлена искусством, стала достоянием мировой культуры, может быть, темой гомеровского эпоса - так мгновенное и преходящее возводится в ранг бессмертного.

После такого всплеска фантазии дальнейшее напряжение эмоции кажется уже невозможным. И последнее развернутое сравнение пятой строфы выдержано в спокойном классическом духе: “В комнате белой, как прятка, стоит тишина”. Если отвлечься от смысловой неожиданности, оригинальности этого сравнения, то обращает на себя внимание богатство таящихся в нем стилистических возможностей. Прятка - предмет древний, увековеченный всеми видами искусств, и в тоже время обыденный. Оба плана будут использованы поэтом. Стилистическая заземленность будет усилена в строке: “Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала”, а потенциал высокого слога подготовит переход к напоминанию о Пенелопе, с ее древним женским трудом.

Последняя строфа не содержит сравнений, но в ней высокое мифопоэтическое событие превращается в обыденную реальность: “Одиссей возвратился”. Возвращение дано как результат труда мореплавателя. Заключительная строка подчеркивает возвышенный смысл финала в прозаических терминах современного мышления: “пространством и временем полный”. Главная добыча героя (не золото и драгоценные камни, а полученные в пространстве и времени впечатления, и даже не просто впечатления, а как бы само пространство и само время) предстает одновременно и как результат великого культурного деяния - активного познания мира - и как почти бедная простота скитальца, которая, впрочем, воспринимается здесь самым торжественным образом. Знакомый с Гомером читатель вспоминает образ каменистой земли острова Итака, возвращение на которую наполнило грудь героя ни с чем не сравнимым счастьем.

Таким образом, содержащееся в первой строфе стилистическое противоречие между характеристикой Крыма как Тавриды - древней поэтической земли и Крыма как печальной прозаической окраины мира, куда человека судьба может занести помимо его воли, разрешается не отрицанием одной из этих характеристик, а их совмещением. Прозаически сниженная тема пустынности, бедности, заброшенности постепенно получает, благодаря использованию многопланового стилистического потенциала нейтральной лексики, оттенок классической простоты, содержащей возможность перехода к наивной величавости мифологического взгляда на мир.

Кроме стилистического уровня, особый интерес представляет собственно образный строй стихотворения.

Образ Тавриды в стихотворении Мандельштама складывается из конкретных чувственных впечатлений. Автор применяет средства звукописи. Повтор звука [л] в первой строфе передает ощущение плавности, медлительности струи меда, но одновременно переносит смысл слов «текла» и «долго» на восприятие потока времени. Во второй строфе повтор сочетаний [ба], [бы], [бу] воспроизводит отрывочные звуки шагов по гравию и отдаленный лай собак. В начале третьей строфы нагнетание шипящих звуков имитирует шуршание листвы, и т.д. Так же активно поэт использует цвет: мед - “золотистый”, шторы - “темные”, комната - “белая”, сад - “коричневый”, рядки винограда - “ржавые”. Не обойден и запах: “пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала”. И даже отвлеченное понятие «тишина» становится почти осязаемым - «как прятка».

Каждый из отдельных штрихов сливается в единый, цельный образ Тавриды, потому что автор подбирает такие характеристики, которые могут принадлежать не только одному предмету, но и сразу нескольким. Используется одна цветовая гамма, присущая осени. Описание отдельных разрозненных звуков создает общее впечатление тишины и покоя. Крым предстает пустынным и уединенным.

Переход к теме Эллады осуществляется незаметно и непринужденно. Выражение “всюду Бахуса службы” настраивает нас на определенный лад. Пытавшийся было с помощью иронии сопротивляться скуке, поэт начинает проводить параллели между Тавридой и Элладой, давшей науку виноделия: “В каменистой Тавриде наука Эллады”. Дальше это приводит к появлению ассоциативного ряда: Пенелопа, Одиссей. Обращают на себя внимание фактические несоответствия. “Не Елена – другая, - как долго она вышивала”. Мы знаем, что Пенелопа ткала, а

не вышивала. И чем обусловлено упоминание прялки (на ней не вышивают и не ткут)? Какая может быть связь между Одиссеем и золотым руном? Незаметно для себя читатель оказывается вовлеченным в игру в припоминание. Вместо одного мифа автор называет сразу множество, погружая нас в мир эллинистической культуры.

Переход от восприятия Крыма как провинциальной глухой окраины к образу Тавриды, являющейся частью Эллады и Средиземноморья, строится на контрасте между конкретным (единичным) и абстрактным, всеобщим. Воображение поэта, обратившись к теме Эллады, перебирает древние мифы, существовавшие для людей с традиционным для его времени классическим образованием в виде стершихся, условных представлений. Мечтательное погружение в мир полузабытых сюжетов заставляет воскрешать наиболее близкие его душе детали. Отдельные разрозненные образы, в начале стихотворения являвшиеся знаком отъединенности от мира, складываются после этого в единую картину. Образ уединенного, единичного бытия дал толчок к движению во всеобщность, всеохватность: «Всю дорогу шумели морские тяжелые волны, / И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный.»

Ощущение единства жизненного потока передается средствами поэзии, которая использует различные уровни чувственного восприятия. Каждый предмет мы одновременно ощущаем с разных сторон: “золотистого меда струя” воспринимается в цвете, тяжести и вкусе. Система образов активизирует все наши чувства одновременно. Мы оказываемся собеседниками людей, которые олицетворяют активное начало, стремящееся познать, ощутить мир как можно полнее. «Мы совсем не скучаем»,- эта фраза хозяйки из разговорного штампа превращается в невысказанный вопрос поэта, в свою очередь приводящий к приглашению взглянуть на печальную землю его глазами. В этом отношении интересна строфа: “Я сказал: виноград, как старинная битва, живет...”. Только поэт может назвать ряды винограда ржавыми (эпитет соотносится со значениями цвета, силы, времени года) и одновременно благородными (этическое представление о величии мужества, труда, культурной традиции). Именно авторское видение мира создает синтез культур и вовлекает Крым в общемировое пространство и время.